

RU

«Американская мечта» и идентичность в романе Филипа Рота «Американская пастораль»

Вихрова К. А.

Аннотация. Цель исследования – определить роль «американской мечты» в формировании личностной и национальной идентичности центрального персонажа романа Филипа Рота «Американская пастораль». В статье рассматриваются конституирующие элементы исследуемого утопического проекта, анализируются особенности его оценки персонажами в соотношении с их экзистенциальными планами, на основании чего выявляется диалектический характер «американской мечты» как аспекта конструирования идентичности. Научная новизна состоит в выборе малоизученного в отечественном литературоведении материала и исследовательской оптики, которая ранее не применялась для анализа данного романа. В результате доказано, что провал проекта «американской мечты» приводит к ее реструктуризации, что подтверждает ее самостабилизирующий характер и основополагающую роль в процессе личностного самоопределения персонажа.

EN

“American Dream” and Identity in Philip Roth’s Novel “American Pastoral”

Vikhrova K. A.

Abstract. The study aims to determine “American Dream” role in formation of personal and national identity of the central character in the novel “American Pastoral” by Philip Roth. The article examines constitutive elements of the studied utopian project, analyses peculiarities of its evaluation by the characters in regard to their existential plans, on the basis of which dialectical nature of “American Dream” as an aspect of identity construction is revealed. The work is novel in that it chooses material that is little-studied in the Russian literary criticism and research perspective that has not been previously used to analyse this novel. As a result, it is proved that failure of the “American Dream” project leads to its restructuring, which confirms its self-stabilising nature and fundamental role in the process of personal self-determination of the character.

Введение

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена, с одной стороны, неослабевающим исследовательским интересом к идее «американской мечты», оказывающей всестороннее влияние на социальную, политическую и культурную жизнь США и ставшей важным элементом поэтики романа Филипа Рота «Американская пастораль». С другой стороны, для анализа этого произведения необходимо выработать новую исследовательскую оптику через объединение традиционного фокуса вопросов еврейской идентичности и анализа прагматики гомодиегетического нарратора в свете метанарратива «американской мечты» как констелляции национальных культурных кодов. Обозначенный подход позволяет глубже проникнуть в замысел автора, определявшего себя не как «еврейско-американского писателя», а как американца, еврея и писателя [14], и охарактеризовать его видение «американской мечты».

Цель исследования определила следующие задачи: во-первых, выделить концептуальные характеристики «американской мечты», релевантные для анализа исследуемого произведения; во-вторых, рассмотреть образ центрального персонажа с выделением сущностных особенностей его экзистенциального плана; в-третьих, на материале романа выявить механизмы самоподдерживающего функционирования утопического метанарратива.

В статье применяются следующие методы исследования: структурно-описательный и социологический метод. Многокомпонентный подход к анализу произведения обеспечивает целостную дескрипцию его характеристик.

Теоретической базой статьи являются работы Э. Я. Баталова, У. Колдуэлла, Дж. Каллена и Э. Дельбанко, в которых рассматривается эволюция и функционирование «американской мечты» в культурном, социально-политическом и литературном контексте.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его выводы могут быть использованы при разработке курса по современной литературе США, при дальнейшем изучении концепта «американская мечта» и творчества Ф. Рота.

Концептуальные характеристики и определение «американской мечты»

Отличительной чертой «американской мечты» как национального проекта является многомерность и множественность определений, которые ей дают в зависимости от оптики. Так, в общественно-политическом дискурсивном поле наиболее часто рассматривается либо «окончательный крах», либо «самоподдерживающаяся витальность» «американской мечты» [1, с. 303]. Выбор члена этой бинарной оппозиции часто продиктован прагматическими установками автора и совпадает с его оценкой политико-экономического функционирования США. Так, публицисты и политически ангажированные исследователи нередко связывают «конец» «американской мечты» с конкретными политическими мерами определенных президентов США [9; 18].

На индивидуальном социальном уровне «американскую мечту» традиционно определяют как набор «принципов достижения успеха» посредством упорного труда и всестороннего развития и применения своих способностей и талантов [13, р. 15]. Однако исторические потрясения приводят к социальному пессимизму (или цинизму через реализм и скептицизм – по Колдуэллу) и расщеплению концепта на материальную и идеальную составляющие с дальнейшей утратой последней, так что уточнение дефиниции, касающееся продуктивной работы как главного «инструмента» в погоне за «американской мечтой», перестает быть актуальным [8, р. 12].

С другой стороны, для более дифференцированного анализа характеристик «американской мечты» представляется адекватным рассмотреть ее генетическое развитие. Утопический проект Нового Света зародился еще в Старом: ранние поэтические представления европейских колонистов «о далеком аркадном саде» [Ibidem, р. 55], о новом континенте как о зоне потерянного Рая и материального изобилия соединились с ренессансным гуманизмом, идеей естественных прав человека и мечтой о реформированном обществе верующих. После «трансплантации» в Новый Свет европейская утопическая идея трансформировалась в общенациональный миф и сформировала сообщество «мечтателей», которые постоянно рационально и иррационально реформируют «американскую мечту» в соответствии с новыми историческими вызовами, своим расово-этническим видением Америки, индивидуальными представлениями и ожиданиями «превращения этой мечты в географическую реальность» [2, с. 60]. Взаимная детерминация приводит к тому, что множественность дефиниций «американской мечты» коррелирует со сложностью ответа на базисный кривкёровский вопрос о том, кто такой американец [10].

Подробная периодизация развития концепта представлена в работе «Американская мечта: краткая история идеи, сформировавшей нацию» Дж. Каллена [11]. В рамках диахронической множественности «американской мечты» выделяются следующие стадии ее развития: пуританская мечта, либеральный проект, воплощенный в Декларации независимости, идея “self-made man”, надежда на расовое равенство, растиражированный образ домовладения как показателя благополучия и, наконец, мечта о неограниченной и безусловной удаче, воплощенной в социальном успехе и материальных благах, – мечта о Калифорнии. Примечательно, что новейшая стадия развития концепта, ядерным элементом которого является исключительная удача (без опоры на активный труд), коррелирует с «американской мечтой», раздробленной социальным цинизмом и сведенной к материальной составляющей [8].

Тем не менее, несмотря на очевидную разрозненность дефиниций «американской мечты», на синхроническом уровне представляется возможным выделить концептуальное ядро национального утопического проекта. Это оказывается возможным благодаря преемственному характеру «версий» «американской мечты», а также благодаря общности «мечтателей», объединенных идеей свободы и контроля над своей жизнью, самореализации и успеха [22, р. 567]. Кроме того, ряд исследователей подчеркивает особую роль религиозного компонента концепта, глубоко инкорпорированного в структуру национального самосознания [12, р. 43].

Открытость вопроса о дефиниции и объеме утопического проекта, его оценке и адекватных инструментах описания является причиной неослабевающего внимания к нему не только исследователей из разных областей гуманитарного знания, но и художников в широком смысле слова. В художественных произведениях, описывающих функционирование «американской мечты» в разных вариантах воплощения, она, как правило, получает аксиологическую оценку. Хотя ее часто редуцируют до материалистической составляющей, подавляющей идеальную сторону концепта, и оценивают негативно (например, Т. Драйзер, Х. Селби-мл.), привлечение исходно двусоставного кода «американской мечты» позволяет выделить позитивные, продуктивные тенденции в ее конкретных реализациях (у Дж. Ч. Гарднера, Дж. Квок, Дж. Франзена и других).

Многоуровневое воплощение «американской мечты»

как основа экзистенциального плана персонажа в романе «Американская пастораль»

В романе Ф. Рота «Американская пастораль» представлен анализ функционирования «американской мечты», тесно связанной с идеей пасторали как утопической мировоззренческой парадигмы. Пасторальный и антипасторальный модулы представлены как базисно несовместимые и враждебные друг другу: в пасторали персонаж существует в гармонии с природой, людьми и самим собой, в антипасторали – находится

в постоянном состоянии тотального конфликта [6, р. 67]. В рамках изображения «американской мечты» элементы рассматриваемой бинарной оппозиции модусов часто соседствуют друг с другом в одном произведении. Пасторальная топика в романе Рота связана с центральным персонажем – евреем Сеймуром «Шведом» Лейвоу, а антипасторальная – с его дочерью Мередит.

Повествование в романе ведется от лица Натана Цукермана: «...это главное и наиболее близкое к оригиналу alter ego автора» [4, с. 149], представленное в нескольких романах Рота. «Американская пастораль» – шкатулочный роман, в котором Цукерман рассказывает о своем знакомом и кумире Шведе Лейвоу. Прототипом Шведа стал Сеймур «Швед» Масин, который родился в 1920 году в Ньюарке (место рождения самого Рота) в семье русско-еврейских иммигрантов и стал успешным спортсменом, а после службы во время Второй мировой войны работал продавцом спиртных напитков.

В первой части романа – «Воспоминание о рае» – воссозданное «пасторальное» прошлое и его герой схематичны и статичны в застывшей формуле ретроспективного счастья. Фигура Шведа возникает как аллегорическое изображение США периода роста и процветания – 1945-1964 гг. – и собирательный образ американца, определяемого сразу несколькими «версиями» «американской мечты». Во-первых, Швед обладает подчеркнуто идеальной внешностью белого англосаксонского протестанта, выделяющей его из всего еврейского окружения: «Ни у кого из нескольких блондинистых евреев нашей почти стопроцентно еврейской бесплатной средней школы не было ничего похожего на волевой подбородок и застывшую на лице бесстрастность этого светловолосого голубоглазого викинга» [5, с. 9]. Превосходная физическая форма позволяет Шведу стать успешным спортсменом в школе и помогает нести военную службу. Прозвище, данное в школе и заменившее еврейское имя, дополнительно маркирует одновременно исключительность Шведа и его исключенность из еврейской общины. Во-вторых, Швед готов пожертвовать собой ради Америки: в героическом порыве защитить свою страну во Второй мировой войне он записывается в армию и только по воле случая не участвует в сражениях. Однако для членов еврейского сообщества его образ остается одним из символов победы и связан с эмоциональным подъемом послевоенного времени. В-третьих, Швед состоятелен и проводит дни в труде, управляя производством перчаток, унаследованным от деда и отца. В-четвертых, Швед женат на прекрасной «Мисс Нью-Джерси-1949» – католичке-ирландке Доун Дуайр – и воспитывает дочку Мерри в роскошном особняке недалеко от Нью-Йорка.

Швед представляет собой идеализированный образ рекламных плакатов, персонифицированное изображение «американской мечты» в целом комплексе ее архетипов и «инструмент [американской] истории» [Там же, с. 13]. Швед – иммигрант в третьем поколении и отчасти “self-made man”: при обучении на производстве отца он начинал с самых низов и преуспел в расширении бизнеса. В нем соединяется предприимчивость и жажда деятельности, желание инкорпорироваться в американскую нацию через принятие ее традиций и идеалов. Наконец, в его жизни находит полное воплощение мечта о собственном доме и полной семье.

Пасторальное описание жизни Шведа соотносится с экзистенциальными установками нарратора Цукермана, подверженного «компульсивной ностальгии» [6, р. 69] по послевоенным надеждам США в целом и своему еврейскому окружению в частности, а также по собственному прошлому опыту. Швед – «икона» для местного еврейского сообщества времен войны и послевоенного периода: «Он был для нас если не богом, то уж во всяком случае существом, сотворенным из более совершенного материала, чем все остальные смертные» [5, с. 13]. Швед – живое олицетворение возможности стать американцем сразу на нескольких уровнях, воплощенное обещание «американской мечты», вселяющее надежду на лучшее будущее.

Кроме того, важно отметить, что Цукерман – традиционный гомодиегетический нарратор в произведениях Рота – склонен (ре)конструировать в наррации собственную идентичность [19, р. 2], что переводит повествование в метамодернистскую плоскость [21]. Цукерман каждый раз рефлексировал над собственным жизненным проектом и опытом, раздробляя свою идентичность и воплощая некоторые ее аспекты в протагонистах произведений. Его неизменно занимает обсуждение вопросов еврейско-американской идентичности, продолжающее традицию, истоки которой можно проследить еще в середине XIX века [20]. В «Американской пасторали» представлен прагматически привлекательный для Цукермана образ «идеального гражданина, отбросившего ветошь еврейских манер и обычаев» [5, с. 141]. Цукерман раздваивает перспективу: Швед оказывается и реально существовавшим персонажем, и продуктом воображения нарратора [16].

По мере расщепления утопической схемы Швед начинает обретать более индивидуальные характеристики благодаря использованию прямого психологизма. Отходя от еврейских корней в процессе «американизации», Швед не испытывает остро трагических переживаний, но размышляет о двойственности своей идентичности. Обдумывая попытки жены доказать, что их семья не хуже белых англосаксонских протестантов, он уверяется в том, что у них «не будет никаких комплексов неполноценности на почве национальности» [5, с. 488], и подкрепляет свое убеждение рациональным обоснованием: «...они [семья Шведа] и есть Америка» [Там же, с. 489] (и что может быть более «американским», чем быть иммигрантом?).

Экзистенциальный план Шведа – «создать для себя и своей семьи рай на земле» [17, р. 59], что отражено в самоотжествлении с историческим деятелем и фольклорным персонажем Джонни-яблочное семечко. Его мечта – оказаться «на “фронтире”, как в свое время двигавшиеся на запад пионеры» [5, с. 482], чтобы «жить, как... заблагорассудится» [Там же, с. 484]. Швед «воспринимал свое решение [переехать в отдаленный район] как акт мужества» [Там же, с. 487], при этом внешние атрибуты его жизни совпадают с результатом типичной реализации «американской мечты». Однако этот жизненный план исходит из глубоко личных, внутренних, позитивистских установок: единственная цель Шведа – иметь продуктивные цели и тем самым творить свою судьбу [Там же, с. 70].

Исследователи часто оценивают последовательное отхождение Шведа от еврейских корней как предательство истинной идентичности [3; 6]. В значительной степени это утверждение представляется состоятельным, однако конкретизация и анализ аспектов «этнического ренегатства» показывает, что Швед интуитивно стремится к американским идеалам и символам, к американскому образу жизни с самого рождения. Так, его внешность и основы «нееврейского» характера не поддаются категоризации как рационально выбранные черты. Когда между синагогой (ассоциируемой с дедом), фабрикой (наследством отца) и баскетбольной площадкой Швед без колебаний выбирает последнюю [5, с. 495], когда он самостоятельно вырабатывает собственный экзистенциальный план, совпадающий с проектом «американской мечты», но не копирующий его, и строит жизнь в соответствии с этим планом, он не предаёт свою сущность еврея-иммигранта, встраивающегося в мультикультурное общество. Швед «нес свое еврейство с легкостью» [Там же, с. 37], что вызывало среди еврейского сообщества поклонение «его спонтанному слиянию с Америкой» [Там же, с. 38]: «Противоречивое желание евреев быть как все, но и стоять особняком... растворялось при виде этого блистательного Шведа... Что было в нем еврейского? Оно было невидимо, и в то же время вы знали – оно где-то здесь» [Там же, с. 37-38].

Двойственность Шведа (он и «схематичный» образ, и индивидуальность, и еврей, и американец) подчеркивается его подспудными попытками контролировать жизнь волевым воздействием, не прибегая к открытому насилию. Швед – мастер договоров и уговоров, часто приравнивающий чужие желания к своим. Диктат воли неизбежно ощущается другими персонажами как насилие, что скрыто от самого Шведа, и одновременно ассоциируется с «американской мечтой» в ее ядерном варианте. Однако Швед недооценивает силу открытого насилия и «жестокости, присущей “американской мечте”» [17, р. 58], что послужит одним из факторов разрушения его жизненного проекта.

Демифологизация и ремифологизация метанарратива «американской мечты»

Воплощенная Шведом «американская мечта» сюжетно демифологизируется во второй части романа под названием «Грехопадение» и ностальгически ремифологизируется в третьей и последней части романа – «Потерянный рай». Причиной «падения» Шведа и провала его экзистенциального плана становится террористический акт в здании почты, который подросток дочь Шведа Мерри совершает в поддержку вьетнамского народа. Единственным фактическим результатом этого политического «высказывания», как его видит Мерри, стала гибель местного врача, человека, никак не связанного с государственной машиной. Это подчеркивает абсурдный характер террористического акта (с точки зрения Шведа, как это показано нарратором Цукерманом) [23, р. 103]. «Американская пастораль» с мечтой о мире с самим собой и окружением разбивается о неупорядоченную природу существования. Фатальным изъяном в проекте контроля над жизнью становится то, что в «американской мечте», утопическом проекте, ориентированном на отдельно взятых индивидуумов, нет места индивидуальности и отступлениям от тривиальности, нет места собственной идентичности. Схематичная система неизбежно подрывается хаотичностью реальности на любом уровне реализации концепта, и человеческие смыслы перестают функционировать.

Неизбежность краха подтверждается рекуррентными сравнениями Шведа с Дж. Ф. Кеннеди, социально-политической «иконой» XX века. Их объединяет предрекаемая великая будущность и подкрепляющий ожидания блестящий старт, желание перемен и «нового фронта» (программа администрации Кеннеди и экзистенциальный план Шведа). Насильственный конец Кеннеди и американских надежд («падение» олицетворяющего их Шведа) до сих пор осмысливается популярной культурой как «самое подлое убийство» (так, музыкальная композиция Боба Дилана “Murder Most Foul” отсылает к убийству Кеннеди в культурном контексте как к точке начала американского упадка).

Потоком сознания, расщепленного личным апокалипсисом Шведа, автор завершает третью часть романа. Распад семьи приводит Шведа к мысли об атомарности общества, о том, что «связь [между людьми] – лишь видимость» [5, с. 658], а истории не существует. За провалом экзистенциального плана следует его реструктуризация, результаты которой ретроспективно обозначены нарратором в первой главе. Как будто осуществляется возврат к статусу-кво: постапокалиптическая жизнь восстанавливает жизненные формы и разворачивает их полнее, живее и активнее. Бизнес Шведа процветает, хотя и перенесен за границу, дети – копии Шведа – радуют своими успехами. В результате получается, что сначала личный план Шведа, совпадающий со схематичным концептом, проваливается, выявляя дефектность как средств достижения цели, так и самой цели, а затем как будто восстанавливается в еще более полном объеме. Ремифологизирующая ирония заключается в том, что дальнейшая история Шведа, представленная в начале романа, кажется непосвященному читателю полным воплощением «американской мечты», реализующейся в цикличности жизни вопреки всем обстоятельствам.

«Конец взлелеянному в мечтах американскому будущему, которое, несомненно, должно было прийти на смену здоровому американскому прошлому» [Там же, с. 141], положен новыми общественно-политическими и культурными тенденциями. Война во Вьетнаме оказала влияние не только на политическую расстановку сил в мире и внутри США, но и изменила американское самосознание. В интервью, которое Рот дал журналисту The New York Times Ч. Макграту в 2000 году, он отметил, что война во Вьетнаме породила социальную нестабильность, сопоставимую по масштабам с кризисом Великой депрессии [15].

Если образ Шведа Цукерман определяет через победу во Второй мировой войне – «момент наивысшего коллективного опьянения, которое когда-либо переживала Америка» [5, с. 69], – то личность и действия Мерри

формирует война во Вьетнаме, воплощающая американскую аутоагрессию и «ненависть к себе» [17, p. 58]. Анти-военные репортажи о самосожжении монахов подтолкнули Мерри к протесту, который быстро перерос в радикализм и терроризм, разрушившие ее семью. Эмблематичное изображение саморазрушения Мерри отождествила с наивысшим проявлением силы, и это стало отправной точкой в процессе ее самоидентификации. Она отвергает безопасность, стабильность и подконтрольность жизни, представляющие существенную ценность для Шведа и олицетворяющие «старую добрую (пасторальную) Америку» Цукермана. Мерри выражает недовольство готовыми формулами и традиционными установками, осуждает общественное лицемерие и подмену ценностей, что брат Шведа Джерри расценивает как предательство, а сам Швед – как поиск своей идентичности, знакомый ему по собственному опыту. Изображая полярные мнения, Цукерман передает чувство ностальгии и смятения от меняющейся реальности США.

В попытке осуществить трансгрессивный прорыв Мерри устраивает теракт и инициирует сначала локальный, а затем и глобальный апокалипсис (от греч. *apo calipton* – «открытие», «откровение», «срывание, снятие покрывала»), создавая зону антипасторали – область постоянной опасности, нестабильности и неподконтрольности. После взрыва на почте, который манифестировал ее антивоенный радикализм, Мерри исчезает в подполье и совершает еще ряд терактов. Скитаясь, она продолжает поиски своей идентичности, пока парадоксальным образом не приходит к идеям джайнизма, сочетающего крайнюю степень аскетизма и непричинение вреда живому. Переход от терроризма к абсолютному пацифизму осуществляется в рамках общей для них идеи бунта. Мерри завершает свой путь в трущобах, бунтуя против человеческой природы несоблюдением санитарных норм и голоданием.

Оба видения Америки – и патерналистский консерватизм Шведа, и идеология бунта Мерри – отражают ключевые стороны противоречивой «американской мечты» (хотя и не исчерпывают все аспекты ее реализации) и определяют векторы развития США. Глобальные изменения и радикальный бунт приводят к распаду семьи и провалу модуса пасторального мировосприятия, который оплакивает Цукерман: «Что на земле безобиднее, чем жизнь Лейвоу?». Однако состояние бунта не обладает способностью к самостабилизации, и, проходя полный «жизненный цикл», протест апроприируется культурой, которую исходно отрицал [7]. В результате осуществляется деконструкция и реконструкция «американской мечты», в ходе которой утопический проект «присваивает», уточняет и проявляет разные признаки, выработанные в определенных социально-исторических контекстах.

Заключение

Таким образом, на основании результатов исследования можно прийти к следующим выводам. Для продуктивного анализа функционирования «американской мечты» в литературных произведениях требуется дополнить общее определение утопического проекта диахроническим разнообразием его «версий». В конкретных реализациях «американская мечта» синкретична: это и надежда на расово-социальное равенство, и желание контроля над своей жизнью с сопутствующей тягой к экзистенциальным сражениям и победам на «новом фронтире», и представление о безграничной удаче как основе успеха в жизни, и многие другие конституирующие идеи.

В результате анализа образа главного персонажа было установлено, что его экзистенциальный план напрямую связан с «американской мечтой» в ее базовом варианте (но не ограничивается им). Швед Лейвоу не копирует или механически воспроизводит национальный утопический проект: отчасти «американская мечта» уже воплощена в нем с рождения, отчасти он интуитивно вырабатывает собственные принципы, которые впоследствии совпадут с ее положениями. Основой проекта Шведа становится желание «пасторали» – всеобъемлющей гармонии. Стремление к творческой разработке «американской мечты» включает Шведа в сообщество иммигрантов-«мечтателей», которые становятся частью в американской нации с сохранением элементов своей этнической идентичности.

Роман «Американская пастораль» демонстрирует механизмы самоподдерживающегося функционирования «американской мечты». Изменчивый характер социальной реальности не позволяет Шведу реализовать своей изначальный проект. Однако после «падения» центральный персонаж воссоздает конструкт в еще более полном масштабе. В рамках функционирования концепта реактуализируется инкорпорированная в него парадигма бунта, которая инициирует подрыв устоявшихся форм и возврат к реструктурированной «американской мечте».

Дальнейшее исследование авторского представления об «американской мечте» и ее роли в становлении идентичности персонажей Рота можно осуществить с привлечением более обширного материала, в частности, романов «Мой муж – коммунист!» (1998) и «Людское клеймо» (2000).

Список источников

1. Баталов Э. Я. Русская идея и американская мечта. М.: Традиция-Прогресс, 2009. 395 с.
2. Емельянов С. А. Феноменология русской идеи и американской мечты // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2009. № 3. С. 57-63.
3. Карасик О. Б. «Американская мечта» в романах Филипа Рота // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2011. № 2. С. 210-219.

4. Карасик О. Б. Романы Филипа Рота - к вопросу об автобиографизме творчества // Вестник Московского государственного областного университета. 2009. № 4. С. 148-152.
5. Рот Ф. Американская пастораль / пер. с англ. В. Кобец и Н. Кулаковой. М.: Книжники, 2016. 669 с.
6. Brauner D. American Anti-Pastoral: Incontinence and Impurity in "American Pastoral" and "The Human Stain" // Studies in American Jewish Literature. 2004. Vol. 23. Philip Roth's America: The Later Novels. P. 67-76.
7. Brooks D. Bobos in Paradise: The New Upper Class and How They Got There. N. Y.: Simon & Schuster, 2000. 284 p.
8. Caldwell W. W. Cynicism and the Evolution of the American Dream. Lincoln: University of Nebraska Press, 2011. 192 p.
9. Churchwell S. End of the American Dream? The Dark History of "America First" [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/books/2018/apr/21/end-of-the-american-dream-the-dark-history-of-america-first> (дата обращения: 10.01.2021).
10. Crevecoeur J. de. Letters from an American Farmer [Электронный ресурс]. URL: <http://www.public-library.uk/ebooks/59/3.pdf> (дата обращения: 10.01.2021).
11. Cullen J. The American Dream: A Short History of an Idea That Shaped a Nation. Oxford: Oxford University Press, 2003. 214 p.
12. Delbanco A. The Real American Dream: A Meditation on Hope. Cambridge: Harvard University Press, 1999. 143 p.
13. Hochschild J. Facing up to the American Dream: Race, Class, and the Soul of the Nation. Princeton: Princeton University Press, 1995. 440 p.
14. Krasnik M. It no longer feels a great injustice that I have to die: interview with Philip Roth [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/books/2005/dec/14/fiction.philiproth> (дата обращения: 10.01.2021).
15. McGrath C. Zuckerman's Alter Brain [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/books/00/05/07/reviews/000507.07mcgrat.html> (дата обращения: 10.01.2021).
16. Naveau S. La question "pourquoi?" ou l'impossible récit dans American Pastoral de Philip Roth [Электронный ресурс]. URL: <https://ojs.parisnanterre.fr/index.php/latelier/article/view/273/html> (дата обращения: 10.01.2021).
17. Neelakantan G. Monster in Newark: Philip Roth's Apocalypse in "American Pastoral" // Studies in American Jewish Literature. 2004. Vol. 23. Philip Roth's America: The Later Novels. P. 55-66.
18. Peters M. A. Obama and the End of the American Dream: Essays in Political and Economic Philosophy. Rotterdam: Sense Publishers, 2012. 130 p.
19. Royal D. P. Fictional Realms of Possibility: Reimagining the Ethnic Subject in Philip Roth's American Pastoral // Studies in American Jewish Literature. 2001. Vol. 20. P. 1-16.
20. Royal D. P. Plotting a Way Home: The Jewish American Novel // A Companion to the American Novel / ed. by A. Bendixen. Hoboken: Blackwell Publishing, 2012. P. 241-258.
21. Savvas T., Coffman C. K. American Fiction after Postmodernism // Textual Practice. 2019. Vol. 33. № 2. P. 195-212.
22. Schudson M. American Dreams // American Literary History. 2004. Vol. 16. № 3. P. 566-573.
23. Varvogli A. The Inscription of Terrorism: Philip Roth's "American Pastoral" // Philip Roth Studies. 2007. Vol. 3. № 2. P. 101-113.

Информация об авторах | Author information

Вихрова Ксения Александровна¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Vikhrova Kseniya Aleksandrovna¹

¹ St. Petersburg State University

¹ r2654256@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 02.02.2021; опубликовано (published): 09.04.2021.

Ключевые слова (keywords): Ф. Рот; «Американская пастораль»; американская мечта; американская национальная идентичность; P. Roth; "American Pastoral"; American Dream; American national identity.